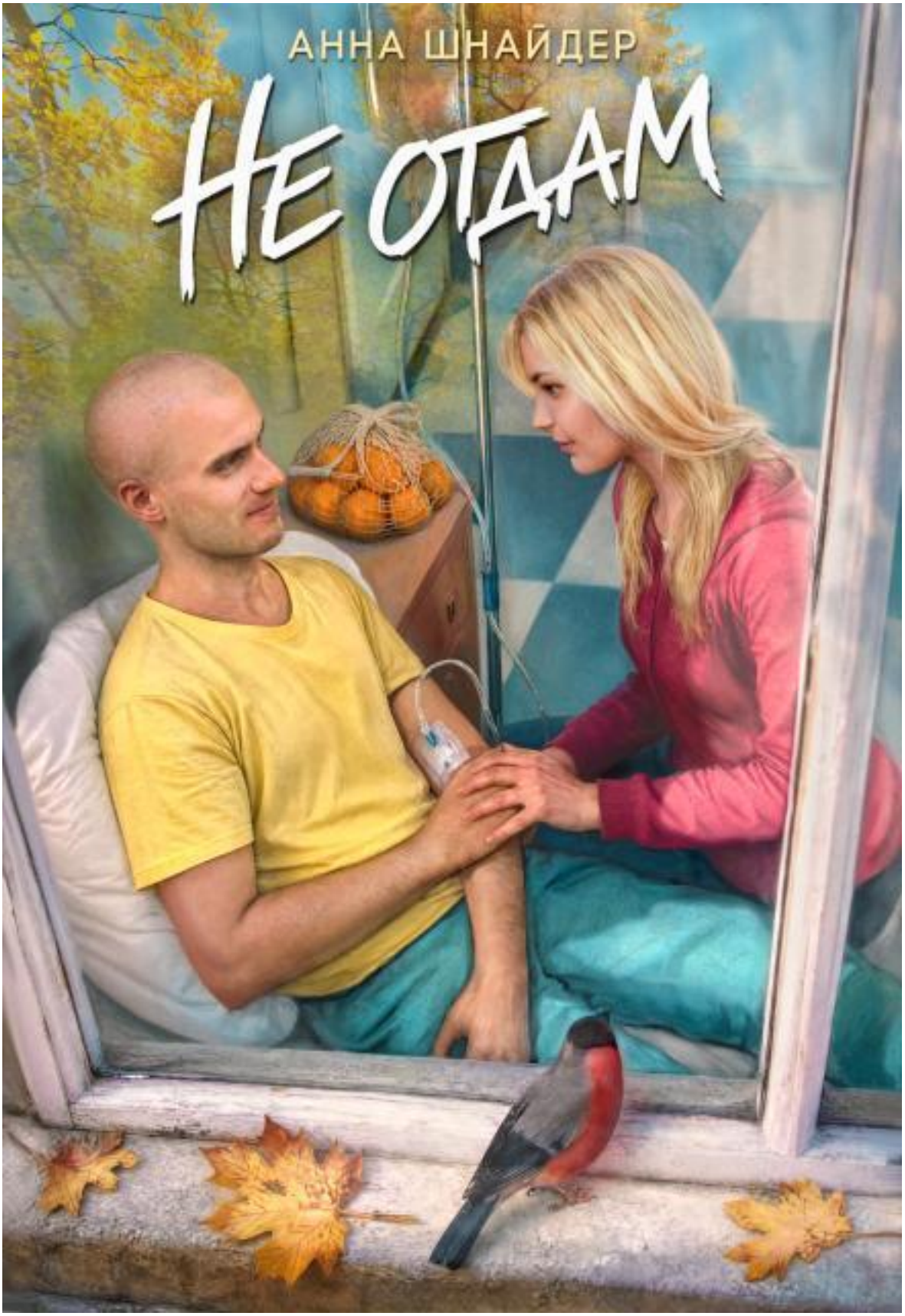
АННА ШНАЙДЕР
НЕ ОТДАМ

Анна Шнайдер

Не отдам

«Литнет»
2026

Шнайдер А.

Не отдам / А. Шнайдер — «Литнет», 2026

Когда-то давно Ира очень любила Диму, а он её - нет.Случайно встретив свою прошлую любовь на улице, Ира понимает, что Дима тяжело болен, и решает его поддержать...ИСТОРИЯ ИРЫ ДОЛОТОВОЙ из "Настоящего врага". Можно читать отдельноХЭ в наличии))

© Шнайдер А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1 5
2 7
3 9
4 11
5 12
6 14
7 16
8 17
9 19
10 21
11 22
12 24
13 26
14 28
15 30
16 31
17 33
18 34
19 35
20 36
21 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

1

— Поздравляю, — сказал Влад с ухмылкой, после того как они получили экземпляры свидетельства о расторжении брака. — Мы победили.

Ира заворожённо уставилась на выданную бумажку, чувствуя себя человеком, который долго шёл по пустыне и вдруг умудрился найти оазис с чистой водой.

Действительно: победили. А Ира до последнего думала, что её отец, Алексей Игоревич Долотов, бизнесмен и предприниматель, как-то помешает свершиться разводу дочери с мужем. Как? Она не имела понятия, просто знала, что отец способен на многое. И до конца не верила в его согласие.

Это ведь именно Алексей Игоревич уговорил Иру выйти за сына своего партнёра. Хотя «уговорил» — немного не то слово. Он поставил ультиматум. Правда, Ира, сражённая в тот момент расставанием с любимым человеком, не слишком сопротивлялась. Вряд ли у неё получилось бы противостоять отцу, но попытаться она могла. Вот только сил не имелось.

Итогом стали шесть лет навязанного несчастливого брака. И пусть Влад не был плохим мужем, рядом с ним Ира всегда чувствовала себя обузой. Скорее всего, потому что он её не любил. Впрочем, она тоже его не любила — упрекать теперь уже бывшего супруга не за что. Скорее, надо благодарить. Если бы не поддержка Влада, Ира никогда в жизни не решилась бы пойти против воли отца.

Ей было страшно даже сейчас, при получении свидетельства, что уж говорить о недавних событиях. В тот день, когда Влад объявлял Алексею Игоревичу, что они хотят развестись, Ира едва не умерла от страха. Ей всё казалось, что отец сейчас скажет что-нибудь такое, из-за чего Влад сразу передумает. Ну неужели у родителя не припасён компромат на зятя?! Верилось с трудом.

Впоследствии оказалось, что Влада совершенно нечем шантажировать.

— Твой отец с удовольствием надавил бы на Влада, чтобы он не рыпался, — говорила позже Ире её мать, Адалия Максимовна Долотова. — Но нечем. Нет у твоего мужа таких грехов, которыми можно было бы его упрекнуть.

На самом деле — очень даже есть. По крайней мере об одном грехе бывшего мужа Ира догадывалась, но давать в руки отца подобное оружие не собиралась. Она была уверена, что Влад начал ей изменять ещё до их развода, и даже подозревала, с кем именно. Это было немного обидно, но Ира постаралась унять собственное раздражение. Развестись она хотела сильнее, чем упрекать Влада за неверность. Кроме того, упрекать кого-то в чём-либо можно будучи чистым, а Ира в последнее время и сама баловалась связью на стороне.

Эта самая связь угасла как-то непроизвольно, без лишних усилий. Ира толком и не заметила, как недавний кавалер, с которым она и переспать-то не успела, перестал писать и звонить. Почему так получилось, она догадывалась, и при мысли о причинах невольно улыбалась. Наверное, ей следовало бы обидеться, но обиды не имелось, потому что Ира не испытывала к тому парню ни малейшей душевной теплоты.

Просто она уволилась. До этого работала несколько лет под началом Влада заведующей редакцией фэнтези и фантастики, а тут вдруг взяла и ушла. Ещё и слухи о разводе наверняка начали бродить по коллективу… Вот молодой человек и решил держаться от опальной жены директора подальше. На всякий случай — мало ли?

Наверное, будь Ира в него хоть немного влюблена, это бы её задело. Но даже измена Влада причиняла ей больше боли, чем подобная ерунда.

— Да, победили, — кивнула она, убирая свидетельство о расторжении брака в сумку. — И я тебя поздравляю, Влад. На свадьбу позовёшь? — не сдержалась от подколки Ира — очень уж хотелось намекнуть бывшему мужу, что она в курсе его интрижки.

Но Князев, к сожалению, даже не дрогнул.

— Я подумаю над твоим предложением, — ответил он, весело подмигнув Ире. Видимо, досада отразилась на её лице столь явственно, что Влад рассмеялся. — Ладно тебе! Нам нечего делить. Я искренне желаю тебе счастья, Ир, и надеюсь, что ты мне тоже желаешь. И помни: обращайся, если возникнут проблемы. Я буду рад помочь.

Она понимала, на что намекает Влад. Это было очевидно.

Алексей Игоревич не сдастся. И раз дочь развелась с первым мужем, он легко подберёт ей второго — из числа нужных людей.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Влада Ира. Они кратко простились друг с другом, а затем каждый отправился по своим делам.

2

Чтобы добраться до своего нового дома, Ира вызвала такси. С недавних пор она начала задумываться о машине и курсах вождения, но пока никак не могла решиться. Её всю жизнь возили — то водители отца, то сам отец, то знакомые, то муж, — и переключаться из режима «пассажир» Ира была не готова.

Да и вообще: она трусиха.

К сожалению, это не было самобичеванием. Анализируя собственные поступки и обстоятельства, которые им предшествовали, Ира приходила к выводу, что каждый раз она трусила и отходила в сторону, не пытаясь бороться за своё мнение и право поступать, как ей хочется.

Даже развод был заслугой Влада. Сама бы она никогда в жизни не решилась пойти против воли Алексея Игоревича, который желал породниться с Князевыми и в последнее время всё больше давил на Иру, чтобы быстрее рожала. И если бы не желание Влада разорвать порочный круг, в котором они оказались, Ира подчинилась бы. Так, как подчинялась всегда.

Её воспитывали подобным образом. С самого детства Ира знала: слово отца — закон. Единственный человек, который мог оспаривать решения Долотова, — Адалия Максимовна, но мать Иры делала это крайне редко. В основном всё в доме подчинялось приказам отца, и счастье, если они совпадали с интересами домашних.

Когда-то Алексей Игоревич, услышав, что дочь желает учиться рисовать, лишь пожал плечами:

— Да пожалуйста.

В будущем именно дизайн и графику Ира выбрала своей специальностью. Будь она мальчиком, отец наверняка бы высосал ей весь мозг через трубочку, но девочке экономическое образование не обязательно. Достаточно любого высшего, на её выбор, а дальше следует удачно выйти замуж, чтобы продолжить род. Тем более что наследника мужского пола Адалия Максимовна на свет так и не произвела, и Ира подозревала, что в том числе по этой причине отношения между её родителями испортились окончательно и бесповоротно. Впрочем, они никогда и не были тёплыми. И пусть проблемы были вовсе не у Адалии Максимовны, а у Алексея Игоревича, он всё равно винил жену. Потому что сам просто не мог быть виноватым — кто угодно, только не он. Значит, виновата супруга.

Ира прекрасно знала, что её отец исповедует принцип «пункт первый: я всегда прав; пункт второй: а если я не прав, смотри пункт первый», но до определённого периода её это мало заботило. Подчиняться приказам было несложно — заботливый папа всего лишь требовал, чтобы она ходила с ним на встречи к нужным людям, одевалась и вела себя соответственно, знала два языка, английский и французский, умела поддерживать разговор практически на любую тему. Досконально разбираться не обязательно, достаточно быть способной делать вид, что тебе интересно.

Для этого Ира ходила не только на рисование и курсы иностранных языков — не считая школы с углублённым изучением, разумеется, — но и в театральный кружок, где ей, как дочке важного человека, давали лучшие роли. Именно там, выступая на сцене, Ира осознала неожиданное: наличие таланта в каком-то деле не гарантирует любви к нему.

Она легко лицедействовала, но абсолютно не любила это делать. Театр Иру совсем не прельщал, и если бы не отец с его странными идеями, она бы лучше выбрала кройку и шитьё.

— Ты с ума сошла? — усмехнулся Долотов, когда впервые услышал о подобном желании. — Чтобы моя дочь — и мусолила нитки с иголками? Это профессия для людей второго сорта. Можешь изучать историю костюма и придумывать наряды. Но шить самой — нет.

Отцу было не объяснить: для того, чтобы придумывать наряды, как он выразился, нужно в первую очередь уметь шить, как для того, чтобы спроектировать дом, необходимо хорошо

представлять, как он должен быть построен. Но у Алексея Игоревича была своя логика, к сожалению непробиваемая.

Пришлось подчиниться.

3

Выбравшись из такси в морозную стужу конца ноября, Ира огляделась, ища наиболее удобный путь к подъезду. Снегопад, начавшийся ещё вчера, завалил не только все газоны, но и дороги. Да что там дороги — за шапками снега плохо было видно даже лавочки.

Всё прекратилось лишь час назад, и за это время, разумеется, никто не успел ничего расчистить. Ира невольно усмехнулась, вспомнив шикарный дом и отличный район, где она жила вместе с Владом, — там на улице дворники активно бы махали лопатами сразу после начала разгула стихии. А здесь…

Но зато квартира была её, а не Влада. Купленная на его «отступные» при разводе, чтобы Ира могла не возвращаться к родителям. И чтобы у Алексея Игоревича было меньше инструментов для давления на дочь.

Спасибо Владу за это. На самом деле, если бы они по-настоящему делили имущество, вряд ли Ире досталась бы подобная сумма — всё-таки шесть лет её по большому счёту содержал муж. Ира тоже работала, но всё, что зарабатывала, тратила не на хозяйство, а исключительно на себя и свои желания. Однако Влад не стал акцентировать на этом внимание, более того, сам предложил помочь с покупкой квартиры. Естественно, губозакатывательную машинку Ире пришлось убрать подальше: обеспечивать её роскошными хоромами никто не собирался. Зато обошлись без ипотеки, и Ира получила просторную однокомнатную квартиру. Да, не в центре города, но и не совсем на отшибе. Тем более что ей теперь не нужно ездить на работу.

Тоже Влад позаботился. Он вообще здорово постарался, чтобы после развода Ире было максимально комфортно. И квартиру купил, и занятием обеспечил.

Мимолётно улыбнувшись, Ира начала перепрыгивать через сугробы, пытаясь добраться до подъезда, но в процессе, увязнув в особенно большом скоплении снега, подумала: а почему она вообще идёт домой? Все заказы сдала ещё вчера, новых не присылали. И такое событие — развод! Почему бы не отметить?

Поначалу Ира схватилась за телефон, принялась листать номера подруг и знакомых, но отметала имя за именем. Не хотелось никого видеть, потому что она прекрасно понимала: её отношения с этими людьми ненастоящие, основанные только на партнёрстве отца или голом расчёте, как, например, с институтской подругой Галей — девочкой из провинции, которая просто пользовалась Ириными связями и возможностями. Зачем делиться сокровенным с кем-то из этих людей? Незачем.

Но как-то так выходило, что других вариантов не имелось. Не маме ведь звонить… Адалия Максимовна была обижена на Иру за решение развестись, полностью поддерживала недовольство Алексея Игоревича, а уж когда дочь заявила, что не вернётся к родителям, а будет жить в собственном жилье, её мать совсем рассердилась. Ух, чего она тогда наговорила Ире! Но этим только лишний раз уверила, что всё правильно, так и надо поступать.

Забавно. Родители, дрессируя Иру, как послушную собачку, с самого детства, уж точно не предполагали подобного эффекта, но теперь, если мама и папа что-то одобряли, Ире казалось, будто она идёт по неверному пути.

Не может быть то, что одобряют родители, верным.

Интересно, как подобное называют психологи? Чувство противоречия? Или вообще какой-нибудь диагноз есть?

Так или иначе, но Ира была уверена в том, что с недавних пор её жизнь, вырвавшись из-под воли отца, стала налаживаться. И возвращаться к подчинению Ира не планировала.

Да, видеть кого-то из знакомых не хотелось… Значит, будем смотреть на незнакомых.

Решительно развернувшись, Ира отправилась к метро. Её отец был бы в ужасе: дочь собирается ехать на общественном транспорте — какой кошмар! Алексей Игоревич признавал только личные автомобили, на крайний случай — такси. Но метро, автобусы — табу.

А Ира с недавних пор начала ездить как обычные люди, и ей неожиданно понравилось.

Как, собственно, нравилось почти всё, что она делала наперекор родителям.

4

Несмотря на то что был четверг, ещё и середина дня, в метро оказалось навалом народу — впрочем, Ира теперь знала, что так всегда. В час пик не пробиться, а в остальное время просто много людей, и все куда-то едут, и всем что-то нужно.

Ей вот нужно в Третьяковку. Зачем, почему? Ира не имела понятия, просто решила, что сегодня она сначала сходит в знакомый с детства музей, затем — потратит немного денег в кафе, а дальше посмотрит.

Отец в последние месяцы, пока Ира и Влад разводились, всё грозился лишить её финансирования, но пока не сделал этого. Правда, и поток денег ограничил примерно в два раза — удивительно щедро для Алексея Игоревича, который терпеть не мог, когда что-то шло не так, как он планировал. Ира думала, что её ждёт резкое обрубание денежного обеспечения, но отец был милостив. И наверное, надо радоваться, но Ира слишком хорошо знала собственного родителя: если он не лишает непутёвую дочь денег, значит, что-то задумал.

Возможно, даже подобрал ей другого мужа. Нового, раз со старым не сложилось. Сейчас даст Ире отдохнуть пару-тройку месяцев — и загрузит приказами с новой силой.

Хотя нет. Вряд ли пройдёт «тройка» месяцев. Ира была уверена, что отец использует благовидный предлог в виде Нового года, дабы познакомить дочь с будущим мужем. Пригласит на празднование в загородный дом, представит, а после поставит перед фактом. Мол, или свадьба, или будешь сидеть без моих денег.

Ира старалась подготовиться к подобному заранее хотя бы морально. Физически она боялась, что ей будет трудно. Экономить она, мягко говоря, не привыкла, и пока все попытки прожить лишь на зарплату были тщетными. Хоть на пару тысяч, но Ира залезала в деньги отца.

Это удручало, но она твёрдо решила сегодня не грустить и не думать о будущих проблемах. Развод с Владом вопреки мнению Алексея Игоревича — уже победа, пусть больше не её, а бывшего мужа, но тем не менее победа. Никаких грустных или противоречивых мыслей!

По Третьяковской галерее Ира бродила пару часов, наслаждаясь экспонатами. Она вообще любила музеи, особенно картинные галереи, могла ходить по ним вечно, глядя на то или иное полотно. Портреты, пейзажи, натюрморты — всё равно, Ира обожала любое изобразительное искусство без исключения.

Когда-то давно музеи были единственным доступным для неё развлечением, но вовсе не из-за отсутствия денег. Точнее, отсутствие денег было, но не у Иры. Она в любой момент могла оплатить что угодно в разумных пределах и уж точно могла себе позволить и кафе, и ресторан, и любую другую хотелку в рамках Уголовного кодекса. Но Дима не позволял ей платить за него. Поэтому они ходили только в бесплатные по студенческому билету музеи и гуляли. Максимум кино, но не чаще раза в месяц.

Забавно: то время было совсем скудным в плане развлечений, но Ира до сих пор считала его самым счастливым.

Да и любовь к Диме никуда не делась, как Ира ни пыталась её вытравить.

5

Ире повезло: много лет назад, когда она оканчивала школу, отец разрешил дочери самой выбрать вуз. Естественно, он должен был его одобрить, но хотя бы право выбора ей предоставил, не заявил: пойдёшь туда — и никак иначе.

Она и выбрала графику и дизайн — потому что больше всего на свете любила рисовать.

Алексей Игоревич скривился, вздохнул, процедил: «Женщины!», но всё-таки разрешил Ире поступать, куда хочет. Экзамены она сдала легко: училась Ира всегда сама, успеваемость ей никто не покупал, — и начались весёлые студенческие деньки.

Ира быстро нашла себе подруг из числа таких же, как она, «золотых» девушек и общалась в основном с ними. Ходила в гости, посещала интересные мероприятия, каждую неделю наведывалась в разные театры на спектакли. В общем, жизнь у неё била ключом, и совсем не по голове — всё у Иры было прекрасно. И даже отец не приставал ни с какими требованиями, решив дать дочери напоследок хорошенько хлебнуть свободы и студенческой движухи.

С парнями Ира, разумеется, тоже встречалась. Она вообще всегда была влюбчивой натурой — легко обращала внимание на мальчиков, но потом не менее легко забывала навсегда и переключалась на другого кандидата. Благо в их вузе было достаточно и девушек, и парней — факультетов было много.

А потом, в середине третьего курса, в Ириной группе появился Дима Рогожин.

С тех пор для Иры земля и небо поменялись местами. Но самое обидное, что на место они так и не встали — привычный мир пошатнулся, рассыпался и возвращаться отказался.

Ира до сих пор чувствовала себя именно так — словно до встречи с Димой она была другим человеком, какой-то совсем иной Ирой Долотовой, ныне незнакомой. Слишком беспечной, легкомысленной… пустой.

А вот после… Слишком многое произошло с ней после, в двух словах и не расскажешь. До — ничего интересного: обычная девчонка, порхающая бабочкой-однодневкой, неинтересная как личность.

Ира остро ощутила эту свою неинтересность в тот день, когда впервые увидела Рогожина. Он промчался мимо их девчачьей компании по направлению к деканату, не обратив никакого внимания ни на одну из студенток. Хотя все как на подбор были красавицами!

— Это кто? — спросила Ира, глядя вслед густой каштановой шевелюре. Её обладатель, высокий и стройный парень с чёрным рюкзаком, быстро шагал к деканату и, достигнув двери, решительно вошёл внутрь. — Ни разу не видела.

— Наш новый однокурсник, — наморщила носик, переживший две пластические операции, одна из подруг Иры — Аделина Басова. Её отец был владельцем крупного предприятия по производству молока и молочных продуктов, из-за чего среди студентов слегка пухленькая Аделина получила прозвище Корова. — Не помню, как зовут. Из другого города перевёлся.

— А ты откуда знаешь? — удивилась другая подруга Иры, простушка Галя.

— Староста вчера на хвосте принесла, а ей накануне куратор позвонила.

— Симпатичный, — заключила Яна Малецкая, проводив Диму заинтересованным взглядом. У её отца был цветочный бизнес, поэтому она, словно красуясь, часто приходила в институт с цветком в причёске. Так Яну в кулуарах и называли — Цветочница. — Пожалуй, мне нравится. Девочки, нет возражений?

Ира помнила, как внутри что-то недовольно зашевелилось, но она тогда ещё недостаточно прониклась Димой, чтобы протестовать, и предпочла промолчать, зная паршивый характер Малецкой. Тем более что если Яна кем-то интересовалась, то шансов у этого парня не было.

Однако подруга быстро обломала о Диму зубы. Парень, вышедший из деканата, почти не обратил внимания на подрулившую к нему девушку, отодвинул в сторону улыбающуюся Яну и, буркнув:

— Прости, я спешу, — убежал.

— Ну и нахал! — возмутилась Малецкая, надув губы. — Нет, девочки, мне такой не нужен. Если он уже сейчас пробегает мимо меня без всякой улыбки, что будет дальше? Фи.

Ира вновь промолчала, но мысленно порадовалась, что Яна настолько легко сдалась.

6

Как вообще зарождается любовь?

Ира почему-то размышляла именно об этом, шагая по знакомым с детства залам. Она знала Третьяковскую галерею наизусть — наверное, потому её сюда и потянуло в такой день. Впереди маячила неизвестность, хотелось окунуться хотя бы во что-то стабильное, а это место ассоциировалось у Иры именно со стабильностью. Неважно, что будет происходить в её жизни дальше, — галерея продолжит существовать и принимать посетителей изо дня в день. Дай бог, чтобы так и было. Должно же в мире быть хоть что-то постоянное?

Как зарождается любовь? И почему иногда она умирает спустя время, а иногда прорастает в человека столь мощно, что вырвать её можно лишь вместе с жизнью.

У Иры было именно такое ощущение от собственных чувств к Диме. Что бы она ни делала, сколько бы времени ни прошло — они оставались с ней, будто были частью её крови.

Понимание, что она влюблена, появилось у Иры не сразу. Некоторое время в институте она просто наблюдала за Димой, осознавая лишь то, что ей нравится на него смотреть. Нравятся его волосы, тёмно-каштановые, густые и чуть кучерявые, особенно на затылке. Иногда, когда Дима потел, они кудрявились сильнее, и парень сзади становился похож на барашка.

Ире нравились его глаза — тёмно-серые и спокойные, как матовый облачный кварц в одном из браслетов, что носила провинциалка Галя. Вечно она нацепляла на каждое запястье по три-четыре браслета и ходила, стуча камушками, словно цыганка, утверждая, что этот стук её успокаивает. А Иру он, наоборот, раздражал, да и в целом увешиваться дешёвыми украшениями она считала дурным тоном. Впрочем, откуда хороший тон у Гали, которая приехала в Москву из какого-то Мухосранска? Конечно, неоткуда ему взяться.

Ира не помнила ни одного браслета, кроме этого, из облачного кварца — настолько он напоминал ей Димины глаза. И именно из-за Галиного украшения все подруги узнали про Ирину влюблённость, когда она вдруг сказала неожиданно даже для самой себя:

— Камни в этом браслете прям как радужка у Рогожина.

— О! — заулыбалась Малецкая, и столь язвительно, что у Иры сразу что-то будто сжалось в желудке. — Да ты влюбилась, Рапунцель!

Иру так называли в институте — за длинную светлую косу ниже ягодиц. Иногда она её распускала, порой делала хвост, но в любом случае волосы у Иры были самыми длинными среди девчонок на курсе.

— Глупости, — попыталась запротестовать Ира, но бесполезно: диагноз был озвучен и принят единогласно.

— Неудачный объект ты выбрала для своих чувств, — усмехнулась Аделина, покачав головой. — Рогожина ничем не прошибёшь.

— Да уж, — фыркнула Яна. — Он сквозь всех девчонок смотрит, как будто мы бестелесные. Видела же Олю Смирнову из второй группы? У неё сиськи похлеще, чем у нашей Аделины. Так она на спор перед Рогожиным ими так трясла, что я думала: сдохну от смеха, — а ему хоть бы хны!

— Это когда было? — удивилась Ира: она такого не помнила.

— На прошлой неделе, — ответила Галя, стягивая с запястья тот самый браслет из облачного кварца. — Держи. Дарю.

Ира заворожённо протянула руку, принимая нитку серых бусин, кажущихся невзрачными, и едва не пропустила насмешливое от Яны:

— Ты, конечно, хороша собой, но этого дуба никаким топором не прошибёшь. Он на тебя и не взглянет.

Ира, которую никогда не игнорировали парни, особенно если они ей нравились, улыбнулась и закатила глаза.

— Ты так говоришь, потому что он тебя отшил, Янка.

— Вовсе нет, — запротестовала Малецкая. — Рогожин непробиваемый. Спорим?

— Спорим, — согласилась Ира. — Мне хватит месяца, чтобы он стал моим.

— А какой критерий? — заинтересовалась Аделина, пока Галя старательно отворачивалась — ей не нравилась эта идея. — Что будет считаться победой? Сходить на свидание, поцеловаться? Или вообще секс?

— Я думаю, мы легко определим, если Дима вдруг станет Ириным, — ехидно прокомментировала Яна, протягивая Долотовой руку. — Признаки влюблённости ни с чем не спутаешь. Как начнёт за ней ходить и в рот заглядывать — так, значит, всё, победила наша Рапунцель. Проигравшая выполняет одно желание победительницы, согласна? Аделин, разбивай.

Яна схватилась за Ирину ладонь, и через мгновение хихикающая Аделина разбила их рукопожатие, скрепив спор.

7

Вспоминать тот месяц до сих пор было немного стыдно.

Ира никогда не бегала за парнями — стоило ей призывно улыбнуться, как понравившийся мальчик делал стойку и начинал ходить за Ирой, словно голубь за голубкой. Ничего сверхъестественного — просто привлекательная внешность плюс репутация завидной невесты с деньгами. Не так много подобных девушек было в институте, чтобы разбрасываться симпатиями.

Но Диме было плевать на её репутацию, да и на неё саму тоже. Ему на всё было плевать, кроме нескольких вещей.

Во-первых, он старательно учился и, если кто-то норовил его отвлечь от прослушивания лекции или выполнения задания на семинаре, просил этого не делать.

Во-вторых, в отличие от многих однокурсников, Рогожин работал, причём работы этой было столь много, что он занимался ей даже на переменах и в любой свободный момент. Дима носил с собой планшет, и как только выпадала минутка — включал его и сидел, рисовал там что-то.

В-третьих — об этом Ира узнала случайно и уже после того, как поспорила, — у матери Рогожина был рак, и её состояние занимало Диму больше всего на свете. Чтобы она получила необходимое лечение, они и перебрались в Москву. Мать Димы обитала в хосписе, куда её устроила какая-то благотворительная организация, а он обосновался в студенческом общежитии.

Рогожин был максимально не заинтересован в отношениях с противоположным полом. И пробудить этот интерес у Иры никак не получалось, хотя она пыталась. Да что там пыталась — она старалась изо всех сил! Однако любые попытки разговорить Диму заканчивались его спокойным:

— Прости, мне некогда.

И ведь он не обманывал! Это не было пустой отговоркой — парень и правда был занят. Больше никто из одногруппников Иры не работал, учась на дневном отделении, — да многие считали подобное в принципе невозможным. Однако Дима умудрялся сочетать невозможное, но из-за своеобразного режима дня, по слухам, спал не более пяти часов в сутки.

И ни с кем не встречался, да.

Может, из-за этого любовь Иры и закрепилась в ней настолько, что не вырвешь? Она ведь никогда больше не встречала людей, похожих на Диму Рогожина.

Ни до, ни после.

8

После Третьяковской галереи Ира отправилась в кафе, где решила побаловать себя и заказала маленькую пиццу и кофе. Обычно она старалась не есть мучное, чтобы не толстеть, но иногда позволяла себе расслабиться.

А Дима вот совершенно не следил за питанием… и как раз с этой темой и был связан их первый разговор в тот месяц, когда Ира пыталась завоевать Рогожина.

Случилось это общение в перерыве между второй и третьей парой — студентам давалось сорок минут, чтобы пообедать. Обычно все шли в столовую, ну или бегали в ближайшую кафешку, и лишь малая часть однокурсников Иры таскала с собой бутерброды.

Дима в это время всегда садился в дальний угол — либо в аудитории, либо в коридоре, — доставал маленький термос с чаем, завёрнутый в фольгу бутерброд с сыром и колбасой, а ещё — творожный сырок. Не глазированный, а обычный ванильный, похожий на творожную массу, в бело-синей бумажке.

— Ты бы лучше в столовую ходил, — посоветовала Ира Диме, присаживаясь рядом. Она старалась казаться уверенной, как всегда, но, на самом деле, внутри всё переворачивалось от волнения. — Питаться бутербродами вредно. А это что такое? Сырок?.. Я думала, их едят только дети…

Дима усмехнулся, откусывая от своего бутерброда, и ответил, не глядя на Иру:

— Нет у меня времени на столовую. И сырки я люблю. Может, я от ребёнка недалеко ушёл, кто знает.

— Ага, ну-ну, — засмеялась Ира, досадуя, что Рогожин так и не смотрит на неё — таращится в свой планшет. — Здоровенный парень, выше меня на полголовы. Неужели тебе не надоедает каждый день есть одно и то же? Не хочется супа или мяса с картошкой…

— Рацион — меньшая из моих проблем. — Запив откусанное чаем из термоса, Дима признался: — Извини, я занят. Давай потом пообщаемся?

— Да когда с тобой можно пообщаться? — фыркнула Ира. — Ты же вечно в делах, почти не обращаешь на нас внимания. Больше всего слов от тебя наверняка преподы слышат. Во время экзаменов.

Дима расхохотался, а затем впервые за разговор посмотрел на Иру — и с такой теплотой во взгляде, что она едва не забыла собственное имя.

— Ты права. Но что поделаешь, таковы мои реалии. Учёба, работа… Потом отдохну. А пообщаться можно и с кем-нибудь другим. Вон, — он кивнул в сторону целой кучки парней, которые что-то громко и эмоционально обсуждали — кажется, вчерашний футбольный матч, — например, с ними. Тебе там будет веселее. Я довольно скучный персонаж.

— Ладно, — пожала плечами Ира. — Я помолчу. Ты будешь не против, если я просто посижу рядом? Мешать не стану.

— Если не станешь — конечно, сиди сколько угодно.

Да, такую тактику она в итоге и избрала. Подсаживалась к Диме каждый раз во время обеда, пыталась разговорить — впрочем, совсем недолго, — а затем он погружался в работу, и Ира просто была рядом. Смотрела на то, как двигаются его руки, порхая над планшетом, где он всё время что-то рисовал, как он хмурится или шепчет что-нибудь невнятное, совершенно не обращая внимания на окружающий мир. Подобное поведение не было притворством, желанием посильнее зацепить и так влюблённую девушку — нет, Дима не обманывал. И это подкупало.

У Иры даже сердиться на него толком не получалось — настолько она на самом деле восхищалась его честностью и целеустремлённостью.

— А над чем ты работаешь? — поинтересовалась она в один из дней, садясь рядом как обычно. Дима поприветствовал её, как всегда, кивком и полным симпатии взглядом — он очевидно хорошо относился к Ире, теплее, чем к остальным, но влюблённостью это не было, — и ответил:

— Заказы разные. Иногда фотки обрабатываю, иногда логотипы делаю. Но чаще всего я рисую для книжных издательств по дешёвке.

— Что? — изумилась Ира, и Дима фыркнул.

— Чему ты удивляешься? Стремление экономить заложено в нас чуть ли не с детства. Знаешь, сколько стоит хороший художник с именем и образованием? До хрена. И сроки он может продолбать. А я ст*о*ю в два раза дешевле и заказы выполняю чётко, без задержек. Так что… — Он подвинул к Ире свой планшет, на экране которого она увидела целый разворот — лес с различными животными в мультяшном стиле. — Вот, сейчас рисую для детской книги. Что-то вроде виммельбуха про животных с заданиями. Хороший заказ, до конца месяца хватит.

Дима замолчал, вернул себе планшет и продолжил рисование.

А Ира сидела, не зная, что сказать, и просто смотрела на парня.

«Стремление экономить заложено в нас с детства».

Забавная фраза. Главным образом потому, что в самой Ире подобного стремления не имелось.

Но фразу она тем не менее запомнила.

9

Пиццу принесли грибную. У Димы эта пицца была самой любимой, только не с такими грибами, как в этом кафе, — рыжие китайские опята ему не нравились. А вот белые, подосиновики, подберёзовики…

Отец Рогожина был заядлым грибником и, как только сын достаточно вырос, стал брать Диму с собой в лес. Поэтому парень отлично разбирался в грибах, ягодах и прочем «подножном корме», как презрительно называл подобную еду Алексей Игоревич. Оттого белые грибы Ира впервые попробовала у Димы в общаге.

Она тогда продула спор, разумеется. Как было не продуть, если Рогожин почти не разговаривал с ней? А несколько предложений погулять в свободное время отверг, аргументируя тем, что свободного времени у него нет.

Ира впервые в жизни оказалась в позиционном тупике и совсем не знала, что с этим делать. Масла в огонь её раздражения подливали подружки, особенно Яна — она насмешничала изо всех сил, дразнила Иру за неумение увлечь Диму, а его самого называла не иначе как Дуб или Валенок. И когда прошёл месяц, а результата Ира так и не достигла, радостная Малецкая возвестила:

— Моё желание — чтобы в ближайшую субботу, на моей вечеринке, ты разделась догола и прошла по краю бассейна!

— Фу, — поморщилась Галя, пока Ира смотрела на Яну, открыв рот от изумления. — Умнее ничего не могла придумать?

— Молчи, Галка, — презрительно зыркнула на неё Малецкая. — Много ты понимаешь! Я Ире только добра желаю, даже если ты этого ещё не осознала. Цыц!

Почему Яна так сказала, Ира поняла уже на вечеринке.

По всем законам здравого смысла Димы там не могло быть. Он никогда не ходил на подобные сборища, да и в целом его интересы ограничивались институтом, работой и терапией его матери. Да, Ира была уверена, что Рогожина на вечеринке не будет… Но Яна пригласила его и сделала это столь настойчиво, что парень всё-таки пришёл.

Позже Малецкая призналась, что уговорила Диму на этот визит, только предложив в обмен работу. Сказала, что, если он придёт, она отдаст ему одну из стен в своей комнате для разрисовывания — мол, хочет изобразить там средневековый замок на горе и красивую быструю речку. Но, если Рогожина на вечеринке не будет, заказ получит другой художник. И сумму назвала такую, что Дима не смог отказаться.

Вот так и получилось, что парень очутился среди зрителей возле того бассейна. Ира этого не знала, конечно. Она просто разделась и отправилась дефилировать по краю, стараясь не плакать от унижения. И не грохнуться в воду — для храбрости Ира выпила несколько бокалов вина, и её изрядно шатало.

Однокурсники свистели, улюлюкали, кто-то отпускал пошлые шуточки… И вдруг из толпы довольных гогочущих парней выскочил Дима, по пути стягивая с себя старый, видавший виды пиджак, в котором он приходил на экзамены и зачёты. Прошипев что-то недовольное в сторону однокурсников, завернул в него опешившую Иру, а затем повёл её в сторону дома.

«Ну Янка! — подумала в тот момент девушка то ли со злостью, то ли с весельем. — Интриганка хренова!»

— Ир, ты чем вообще думала? — тихо говорил Дима, заводя Иру на кухню Янкиного загородного дома, где сейчас никого не было. — Зачем так унижаться, ради чего?..

— Ну ты и дура-а-ак! — протянула Ира, засмеявшись. Будь она трезвой, отреагировала бы иначе, но алкоголь в крови лишил её возможности оценить ситуацию адекватно. — Не зря тебя Янка Валенком называет!

— Чего? — оторопел Дима, усадив Иру на один из стульев. — Так, ладно, я понял, ты выпила… Где твоя одежда хоть? Скажи, я принесу.

— Принесёт он!.. Да не нужна мне одежда! — пафосно заявила Ира. — И вообще, это всё из-за тебя, а ты этого даже не понимаешь!

— Что за… — начал Рогожин недовольно, но Ира его перебила, воскликнув:

— Люблю я тебя, идиота! Люблю! Поспорила с Янкой, что ты моим за месяц станешь… А ты меня вообще не замечаешь! — Ира истерически захихикала. — Вот и пришлось… вдоль бассейна… Янка так пожелала! Но она ни при чём! Это ты виноват!

Ира вскинула голову и с вызовом посмотрела Диме прямо в глаза.

А там…

Шок. Растерянность. Недоверие. Совсем не то, что мечтает увидеть влюблённая до звёзд девушка…

— Это пройдёт, я уверен, — негромко пробурчал Дима, разворачиваясь к выходу. Ира, испугавшись, что он уйдёт и вообще больше никогда с ней не заговорит, подалась вперёд и обхватила парня руками, начиная плакать от расстройства.

— Не уходи! — взмолилась, всхлипывая и шмыгая носом. — Ну… не злись! Я тебя правда люблю! Очень люблю, понимаешь? Никого так не любила! Не надо… не уходи! И не сердись на меня! Спор глупый, да… Но Янка подначивала, и я не выдержала! Я просто втюхалась по уши…

С каждым произнесённым словом Ира чувствовала, как тело Димы под её руками всё сильнее напрягается. И она уже ждала, что он всё-таки уйдёт.

Но вместо этого Рогожин, вздохнув и развернувшись к Ире лицом, тихо и недоумённо произнёс — будто не верил до конца, что действительно говорит это:

— Ладно. Давай попробуем встречаться.

10

Тогда же, на кухне Янкиного загородного дома случился их с Димой первый поцелуй, который навсегда отпечатался у Иры в памяти.

Она, конечно, целовалась и раньше, но всё было не то. Наверное, разница действительно лишь в любви — других объяснений у девушки не имелось. Ведь ничего особенного Дима не делал, более того — Ира сама поцеловала его, потянувшись к губам парня, как травинка к солнышку. Сама обвила руками его шею, запустила ладони в густые и шелковистые волосы, наслаждаясь игрой прядей между пальцами, сама прижалась всем телом, не смущаясь распахнувшегося пиджака.

Несмотря на прошедшие годы, Ира до сих пор помнила будоражащее ощущение от соприкосновения её обнажённого тела с одеждой Димы. И то, как его руки, немного неуверенные и очень тёплые, нежные и осторожные, деликатно придерживали пиджак, чтобы он всё-таки не свалился.

Ирин поцелуй не остался безучастным, и её это обрадовало. Дима откликнулся, и пусть в движениях его губ не было и половины той страсти, что одолевала Иру, он отвечал. А в какой-то момент, когда парень, резко втянув носом воздух, чуть сильнее стиснул её талию, Ира вдруг почувствовала, что Рогожин возбуждён, — и настолько обрадовалась, что даже слёзы на глазах выступили.

— Хочешь… — то ли спросила, то ли утвердила Ира, прошептав это прямиком Диме в губы. — Наверху есть спальни… Пойдём…

Он вдруг улыбнулся и — сам! — ласково поцеловал её в уголок губ. Но тут же отстранился, однако из объятий не выпустил, продолжая прижимать к себе и придерживать пиджак.

— Ир, я ведь сказал — встречаться, а не переспать, — произнёс он со знакомой мягкостью. — Не надо торопиться. Всё успеется. Садись, я всё-таки пойду, найду твою одежду.

— Уверен? — слегка разочарованно протянула Ира, не понимая, почему он отказывается. Она едва не ляпнула, что примерно год назад опробовала кровать в одной из гостевых спален — Яна разрешила! — но в последний момент прикусила язык. Вот уж о чём не следует упоминать, так это о своём богатом интимном опыте. Мало ли, что после такого подумает про Иру правильный Рогожин…

— Конечно, уверен, — ответил Дима, осторожно усаживая Иру обратно на стул. —Где твоя одежда, ты помнишь? И вот ещё что: предлагаю после того, как ты оденешься, свалить отсюда. Не против?

— Не против, — кивнула Ира, почти сходя с ума от счастья. Какая же Янка умница всё же! Если бы не ситуация с бассейном, Дима так и остался бы для Иры недосягаем.

— Прекрасно, — ещё раз улыбнулся Рогожин, а затем, поколебавшись, наклонился и легко коснулся губами Ириной щеки.

Краткий и почти невинный поцелуй — однако девушка почувствовала себя так, будто получила в подарок звезду с неба.

11

Пиццу она доесть не смогла. Ничего удивительного: всё-таки привыкла обходиться без мучного, а тут столько теста сразу. Половины хватило, чтобы Ира почувствовала себя объевшейся.

С Димой они редко ходили по кафешкам. Хотя могли бы чаще: Ира предлагала всё оплачивать, у неё ведь были деньги на всякие излишества. Но Рогожин не позволял.

— Нет, — пресекал он любые её попытки где-нибудь заплатить. — Я не буду жить за счёт своей девушки, не альфонс.

Ире было настолько приятно слышать это «своей девушки», что она не спорила. Да и понимала, что Дима — гордый парень. Правда, это не помешало ей однажды вляпаться по полной программе, когда она решила купить Рогожину хороший подарок и выбрала модный телефон за несколько десятков тысяч рублей. Айфон, между прочим.

Увидев коробку, Дима так помрачнел, будто Ира ему не новый мобильник купила, а принесла трупик любимой кошечки.

От подарка он отказался наотрез.

— Не надо, — заявил почти грубо, покачав головой. — Чек же ты сохранила, Ир? Надо сдать этот аппарат обратно в магазин.

— Но почему? — надула губы Ира. — Я ведь от чистого сердца, Дим. Не думай, что…

— Я понимаю, что от чистого сердца, — перебил её Рогожин. — Но не надо. Не обижайся, пожалуйста.

— Я не обижаюсь, — соврала Ира. — Просто хочу, чтобы ты объяснил. Это ведь всего лишь подарок…

— Объяснить я могу, — вздохнул Дима, посмотрев на девушку с сомнением. — Но не уверен, что ты поймёшь.

Вспоминая те его слова, Ира до сих пор не могла не морщиться. Как же неприятно было это слышать! И ещё неприятнее — оттого, что Дима был прав.

По крайней мере в то время она не поняла почти ничего из того, что он ей сказал. Поняла гораздо позже, когда, потеряв двоих детей и лёжа в государственных больницах, в палатах с обычными девчонками, чего только ни наслушалась.

Такого, чего не было в её жизни. Например, Ире никогда не приходилось выбирать, что купить — туфли или куртку, потому что и на то и на другое нет денег. Не приходилось экономить каждую копейку, потому что задержали зарплату. Не приходилось выбивать из мужа алименты, потому что не знаешь, чем прокормить ваших общих детей, — а он просто свалил за границу с любовницей и не отвечает.

Да, Ира тогда услышала много всего удивительного. И почему Диму обидел её айфон, осознала.

И почему у них ничего не получилось — тоже.

— Ухаживал за мной один мажорчик в институте, — рассказывала одна из девчонок — теперь Ира уж и не помнила, как её звали: в памяти остался лишь этот рассказ. — Я сначала радовалась: он мне всё дорогое дарил, ухаживал красиво, в рестораны водил. А потом первое очарование прошло, и я почувствовала себя рядом с ним человеком второго сорта. Даже не человеком, пожалуй, а предметом, вещью, которую он выбрал и купил, завалив подарками. Не слишком приятное ощущение, честно говоря.

— Ой, да ладно! — смеялась другая соседка по палате, постарше. — Зато у него деньги есть. А мой-то… всю жизнь слёзы зарабатывает, на квартплату еле хватает!

— Ну, кому что, — пожала плечами третья, — а я бы тоже не смогла так. В отношениях равноправие должно быть. А когда чувствуешь себя ковриком под ногами власть имущих, какое уж тут счастье… Сколько бы денег ни было…

Коврик под ногами.

Да, Дима тогда говорил нечто подобное. Мол, он будет ощущать себя обязанным и вообще это мальчики должны дарить девочкам подарки, а не наоборот. И ведь Ира — дура дурой! — в тот момент взяла и ляпнула:

— Но у тебя же нет денег! А у меня есть. Я от тебя никаких подарков не требую, просто хочу делать их сама.

Дима лишь поморщился, но больше не стал ничего объяснять.

Вздохнув, Ира откинулась на спинку дивана в кафе, отодвигая от себя тарелку с недоеденной пиццей, и взялась за чашку с кофе. Сделала глоток, закрыла глаза…

Надо вспоминать что-то приятное, а не свой позор. Как Дима вообще терпел её? Два с лишним года ведь они встречались. Гуляли по Москве, в кафешки ходили редко, чаще Дима звал Иру к себе в общагу.

Она сделала ещё один глоток тёплого ароматного напитка, продолжая сидеть с закрытыми глазами, и с грустью улыбнулась.

Общага… Да, о том, что было там, вполне можно вспомнить.

12

Девчонки и ребята, жившие в общаге наравне с Димой, за глаза называли его девушку Принцессой, и Ире это прозвище нравилось больше, чем дурацкое Рапунцель. Даже льстило, что её так оценивают. Она совсем не понимала в то время, что принцессам в общагах не место и никто из знакомых Рогожина — а скорее всего, и он сам — не верил, что их отношения продлятся долго.

Впервые к себе в комнату Дима позвал Иру месяца через три после той ситуации в Янкином загородном доме. До этого были лишь прогулки по городу — и то редкие, так как времени у парня по-прежнему не хватало, — и кафе примерно раз в месяц, чаще Рогожин не мог себе позволить.

Ире не хватало близости. Дима её только целовал, и больше ничего. Даже за грудь и попу не щупал — а как, если они постоянно находились среди людей? Целовал, конечно, — так, что у Иры дыхание перехватывало и мозги плавились, а все мышцы в теле расслаблялись, превращаясь в желе, — но этого девушке было мало. Хотелось поцелуев не только в губы, хотелось увидеть Рогожина без одежды, хотелось, чтобы он потерял голову от страсти.

Увы, тогда Ира ещё не знала, что голову в их союзе может терять лишь она. Дима никогда не терял с ней самообладания, даже в самые откровенные моменты трезво оценивая их отношения. Он твёрдо стоял на земле обеими ногами.

— Сегодня всех моих соседей не будет, — сказал Рогожин в тот день. Почему-то не с утра, а после пар — словно раздумывал, стоит ли приглашать Иру или не стоит. — Хочешь ко мне?

— Ты ещё спрашиваешь! — обрадовалась она, сразу широко улыбнувшись. — Конечно, хочу! Очень!

— Ир, — уточнил Дима, посмотрев на неё с почти обидным сомнением, — это общага, ты понимаешь? Не гостиница, не…

— Да понимаю я! — вздохнула она, закатив глаза. — Не маленькая. Мне плевать на условия. Знаешь поговорку: с милым рай и в шалаше?

— Поговорку-то знаю, — усмехнулся Рогожин, — но ерунда это всё.

— Почему ерунда?

Дима лишь плечами пожал и перевёл тему, поинтересовавшись:

— Значит, пойдёшь ко мне? На ужин у меня сосиски с макаронами будут.

— Да хоть сардельки! Пойду.

— Хорошо, — кивнул Рогожин, но Ира видела: он колеблется. Это было оскорбительно, но она старалась не обращать внимания на подобное недоверие. В конце концов, она и правда никогда не была в общагах…

Впоследствии оказалось, что Дима не зря беспокоился: Ира пришла в ужас, и этот ужас скрыть не получилось. Да как тут скроешь, если везде разруха, туалет на этаже общий — спасибо хоть раздельный: на одних этажах — для мальчиков, на других — для девочек, — и на кухне пахнет чем-то неаппетитным, похожим на капусту, причём прокисшую.

Да и Димкина комната… И так небольшая, но в неё ещё были втиснуты две двухъярусные кровати, четыре тумбочки, шкаф для одежды и рабочий стол. Один!

— А как вы его делите?.. — протянула Ира с недоумением, присаживаясь на край кровати, которую Рогожин обозначил как свою. Хорошо, что она располагалась внизу, а не наверху.

— Лучше не спрашивай, — отмахнулся Дима. — Будешь чай?

— Ну… можно, — кивнула Ира и неуверенно улыбнулась. — А где руки помыть?

— Пойдём, я провожу тебя до женского туалета.

Именно там, заняв одну кабинку из трёх, Ира услышала насмешливый разговор двух девчонок из общаги, благодаря которому и узнала, как её здесь называют.

— А ты слышала? К Рогожину его Принцесса явилась! — говорила одна другой. Судя по тому, что девчонки включили воду вместо того, чтобы рваться в свободную кабинку, они что-то мыли.

— Да-а-а? — засмеялась вторая. — И как, ты её видела?

— Я — нет. Борька видел. Говорит, красивая, как с картинки. Блондинка на каблучищах.

Ира с недоумением покосилась на свои туфли. Пять сантиметров — разве это каблучищи? Если только для тех, кто всегда ходит в кроссовках.

— Борька сказал, эта Принцесса в таком шоке оглядывалась по сторонам, что сразу понятно — на самом деле во дворце жила.

— Да ладно тебе. Неважно, где она жила. Главное, что она решилась сюда прийти! Значит, и правда любит Рогожина.

— Думаешь?

— Ага.

За это утверждение Ира сразу простила обеих сплетниц. Дождалась, когда они уйдут из туалета, — чтобы не смущать своим появлением, и отправилась обратно к комнате Димы. Хорошо, что номер запомнила, иначе прошла бы мимо — настолько здесь всё было одинаковое, а идти пришлось долго: девочки и мальчики в общаге жили раздельно, на разных этажах.

Только спустя некоторое время Ира узнала, что вообще-то гостям противоположного пола полагалось уходить из общежития в девять вечера, не позже. А она много раз оставалась у Димы на ночь — он как-то умудрялся договариваться с комендантом.

И тогда, в тот самый первый раз, осталась.

13

Она до сих пор помнила вкус первого ужина в Димкиной комнате. Слегка переваренные, клейкие макароны, отвратительно розовые сосиски с кетчупом и чай с бергамотом. Чай среди всего перечисленного был самым приличным, пусть и подан в кружке с отколотым краем.

— Извини за кружку, — сказал Дима. — Просто это единственная запасная, которая у меня есть. Надо, наверное, новую купить, но всё недосуг, да и зачем…

— В смысле — зачем?

— Ко мне всё равно никто не ходит. Ты первая.

Ире это польстило, и после подобных слов даже макароны показались более аппетитными. Хотя она всё равно не смогла их доесть, и как только Рогожин заметил, что Ира просто ковыряется вилкой в тарелке, забрал у неё всё и съел сам.

— Дим… — осторожно сказала Ира, когда он отставил в сторону посуду. — Я тут подумала… Может, тебе не стоит здесь тесниться? Я ведь могу снять нам квартиру…

— Нет, Ир, — тут же покачал головой Рогожин, даже не дослушав. — Я сам коплю на жильё, не зря же столько работаю. Всё нормально, не волнуйся. Здесь не так уж и плохо, и соседи у меня замечательные.

— Ты их подговорил сегодня уйти?

— Нет, на самом деле случайность. — Дима понимающе улыбнулся. — У всех дела. Но завтра с утра они вернутся.

— А можно я останусь до утра? — поинтересовалась Ира и прежде, чем парень ответил, продолжила: — Понимаю, кровать тесная, но мы с тобой не хомячки, поместимся.

— Уверена, что хочешь остаться? Я ещё успею тебя проводить и вернуться до закрытия общаги. Не до дома, но до метро вполне…

— Я с тобой в метро ездила чаще, чем за всю жизнь, — засмеялась Ира. — Меня ведь всегда личные водители возили. Или такси. Если что, я лучше такси закажу, не хочется в вагоне толкаться. Но я бы предпочла остаться с тобой. Я хочу тебя.

— Я тоже хочу тебя, Ир, — сказал Дима столь серьёзно, что она потеряла дар речи. А когда вновь смогла говорить, Рогожин уже встал из-за стола, за которым они ужинали, и потянул Иру за руку в сторону своей нижней полки.

— А дверь? — выдохнула девушка, когда Дима начал расстёгивать пуговички на её блузке.

— Закрыл, — откликнулся парень, сосредоточенно перебирая пальцами. — При желании её, конечно, можно выбить одним ударом ноги, но я надеюсь: никто из наших сегодня не надерётся до подобного состояния.

— А бывали случаи?.. — спросила Ира, пытаясь скрыть собственную растерянность. Она отчего-то всегда думала, что Дима будет стесняться: ей казалось, что у него совсем мало опыта в интимных делах. Но он раздевал её деловито и спокойно, как делал всё без исключения, а ещё — быстро, совсем не путаясь в крошечных пуговичках.

— Бывали, — ответил Дима, покончив с блузкой. Стянул её с Иры, а затем тут же взялся за бюстгальтер. Ловко расстегнул и положил на стул, к блузке. Посмотрел восхищённо на Ирину грудь, наклонился — и принялся целовать. — Скажи, если что-то будет неприятно, — прошептал он прежде, чем накрыть ртом сосок девушки.

— С ума сошёл, — всхлипнула Ира, млея от каждого прикосновения. Ей ни разу в жизни не было настолько хорошо. — Так замечательно… Ох, ещё!

Дима помог ей лечь на кровать, сдёрнув старое покрывало невнятного лягушачьего цвета, быстро избавил от брюк и трусов, чтобы Ира осталась обнажённой, — и вернулся к поцелуям, сам будто бы и не собираясь раздеваться.

Он её тогда всю-всю зацеловал, от макушки до пальцев ног. А уж между ног что творил — Ира с трудом сдерживала собственные крики, помня, где находится. Не хотелось, чтобы её пыл завтра обсуждали все кому не лень.

Но молчать было сложно, потому что Дима ласкал её так, как никто и никогда. Прочие парни стремились поскорее раздеться сами, и чтобы их в первую очередь трогали, а Рогожин про себя словно забыл. Целовал, трогал, сжимал, облизывал каждый сантиметр Ириного тела, из-за чего её накрывало одной волной удовольствия за другой.

— Точно не хочешь домой пойти? — спросил он вдруг, когда Иру в очередной раз выгнуло дугой от оргазма.

Ирония была в том, что голова Димы в этот момент находилась между её ног и тёплое дыхание касалось самого интимного местечка, словно дразня.

— Издеваешься?

— Даю возможность передумать, — ответил Рогожин и медленно, обстоятельно провёл языком там, где всё давно было влажным и нетерпеливо пульсировало. — Вдруг ты…

Что он хотел сказать, она так и не узнала.

— Иди сюда, — почти прорычала Ира и потянула Диму вперёд, на себя.

14

Она тогда едва не порвала на Рогожине одежду, пытаясь избавиться от неё как можно скорее. Дима смеялся, помогал Ире, и его лицо, особенно глаза, тёплые и ласковые, отпечатались в её памяти навечно.

Никто и никогда не смотрел на Иру вот так. Оттого она не сразу поверила, когда Дима однажды сказал, что не любил её. Впрочем, до этого момента оставались ещё долгие месяцы, а в тот вечер Ира была уверена, что не только сама любит, но и взаимно любима.

Она задыхалась от чувств, которые переполняли её, как воды реки по весне, выходя из берегов, счастливо захлёстывают всё, что попадается на пути, и Ира неслась на волнах этих вод, почти не соображая и не помня себя. И когда Дима, вновь уложив её на постель, лёг сверху, проникая в Иру одним тягучим движением, она почувствовала такое обжигающее, абсолютное счастье, что не выдержала — прошептала Рогожину на ухо:

— Люблю тебя. Лю…

Повторить не получилось: Дима поймал её губы своими и поцеловал с таким пылом, что Ира оказалась не в силах что-то говорить. Особенно когда парень начал двигаться, аккуратно, но властно сжимая её бёдра.

Поначалу Дима медлил, явно прислушиваясь к Ириной реакции, но постепенно разогнался — и кровать под ними забавно заскрипела, страдальчески охая, будто стремилась сломаться.

— Чёрт, — простонал Дима, с трудом останавливаясь. Подался вперёд, в Иру, до упора, и чуть задрожал, зажмурившись с полным блаженства лицом. — Если мы сейчас сломаем кровать, меня выгонят из общаги.

Ира вообще не поняла, о чём он говорит, — такое удовольствие её наполняло. Но Дима и не ждал никаких слов. Он просто встал, вызвав у Иры протестующий всхлип, и, стянув на пол одеяло, сел на него, увлекая девушку за собой. Усадил сверху и, крепко поцеловав, чуть хрипло сказал:

— Заканчивать будем так, иначе и правда под нами всё развалится. — Дима ухватил Иру за ягодицы, чуть приподнял, а затем вновь посадил на себя, из-за чего она негромко, но протяжно застонала. — Вот так. Сможешь?

— Да…

Это было чистейшее безумие — трахаться вот так, сидя на полу. Дима прислонялся спиной к краю собственной кровати, придерживая энергично скакавшую на нём Иру, и в его глазах она видела столько жаркого наслаждения, что не могла не улыбаться. Рогожин улыбался ей в ответ, поглаживая девушку по ягодицам, а потом целовал, прикрыв глаза, — и она видела, насколько ему хорошо.

Ире нравилось, когда Диме было хорошо. Удовольствие всех прочих её партнёров — даже мужа, тогда ещё будущего, а теперь бывшего, — ей было безразлично, но с Димой всё было не так. Ире хотелось, чтобы он был зависим от неё так же сильно, как она — от него.

И когда Дима перехватил инициативу, насаживая Иру на себя, а затем задрожал, замерев в глубине её тела, она впервые в жизни последовала за партнёром, откидываясь назад и позволяя парню прижаться горячими губами к основанию её шеи.

— Спасибо, — произнёс Дима очень тихо, целуя Иру. Лизнул её кожу, подул на след от поцелуя и спросил: — Всё хорошо?

Теперь она понимала, почему он спрашивал, — но в то время, конечно,не разобралась.

— Всё отлично, — уверила его Ира ломающимся голосом. — А можно ещё?

— Даже нужно, — засмеялся Дима, поднимаясь с ковра вместе с ней, и, уложив девушку на кровать, вновь принялся целовать.

Сколько раз в тот вечер Дима её взял, Ира уже не помнила. Много — это точно. На кровати они начинали, а заканчивали либо на полу — сидя или на коленях, — либо стоя. Самый необычный сексуальный опыт Иры… До этого в её жизни была только кровать, впрочем совсем не такая, как в Диминой общажной комнате.

И тем не менее, несмотря на ширину этой даже не постели, а койки, спала Ира на ней всегда удивительно крепко.

Наверное, потому что в обнимку с Димой.

15

— Принесите счёт, пожалуйста, — попросила Ира официантку, когда допила кофе и закончила с воспоминаниями. Почему закончила, если их было ещё много? Всё-таки они с Димой встречались до конца учёбы и немного после.

Просто чем больше Ира вспоминала, тем сильнее в ней аккумулировались досада и горечь. Думать о том, как всё начиналось, было просто — тогда Ира была счастлива на все сто процентов и искренне считала, что нашла своего единственного. Впрочем, она-то нашла, раз до сих пор так и не разлюбила Диму. А вот он…

Приближаться в своих мыслях к воспоминаниям о том, как всё закончилось, не хотелось. Не было там ничего приятного. Просто однажды, уже после того, как они окончили институт и Дима снял квартиру, Ира предложила жить вместе. Тогда ещё и её отец стал намекать на брак с нужным человеком, и она хотела скорее сбежать из-под его опеки. Надеялась на Диму, да.

Но вместо того, чтобы согласиться, он неожиданно сказал:

— Ир, моя мама умирает. И я снял квартиру в первую очередь для неё — пусть будет здесь, дома, а не в хосписе. Не надо тебе жить с умирающим человеком. Кроме того… — Он вздохнул и чуть поморщился. — Надо прекращать наши отношения. Зря я вообще всё это…

— Зря?.. — переспросила она тупо, словно оглушённая словами Рогожина. Дима посмотрел на Иру с усталым сожалением, вновь вздохнул и пояснил:

— Да, Ир, зря. Я много раз хотел закончить наши отношения, потому что понимал: нельзя так. Ты меня любишь, я знаю, но я тебя — нет. Нехорошо пользоваться людьми. Просто я думал, что смогу ответить тебе взаимностью со временем. Однако… нет, не получается.

У неё не выходило осмыслить то, что говорил Дима. Будто не по-русски всё было, а на другом языке, незнакомом.

И вообще не по-настоящему, а в каком-то кошмарном сне.

— Ты… шутишь?.. — единственное, что она смогла ответить, но Рогожин покачал головой.

— Нет, Ир. Не шучу. Прости.

После у неё была истерика. Дима утешал, говорил успокаивающие слова, уговаривал, что всё у Иры будет замечательно, что она прекрасная, умная девушка, а он её не достоин — в общем, повторял то, что обычно говорят в подобных случаях. Глупую банальность. Разве что-то может утешить разбитое сердце?

Ире было столь плохо и невыносимо, что в тот же день, вернувшись после встречи с Димой, она сказала отцу, что согласна выйти замуж за кого угодно на его выбор. И вышла — за Влада Князева. Не самый плохой муж, но полюбить его Ира так и не смогла, как и он её.

Да, незачем вспоминать это всё. Лучше думать о той беззаветно влюблённой Ире, которая наслаждалась первой близостью с Димой, улыбалась и смотрела ему в глаза, шептала: «Я тебя люблю», — и плевать ей было на то, сколько у него денег и как часто он дарит ей букеты с подарками.

Нынешняя Ира скучала по той себе.

А Дима… Два года назад, насколько она знала, он женился — и Ира искренне желала ему счастья. Теперь уже желала, хотя поначалу плакала и злилась, что у него получилось её забыть, тогда как она до сих пор тонет в собственных безнадёжных чувствах.

Нет в мире справедливости. Нет.

16

Когда Ира вышла из кафе, вновь начался снегопад, заметая недавно расчищенные дороги. Пушистый и мягкий, как кусочки ваты, снег медленно опускался не землю почти в полном безветрии, и Ира, глядя на окружающее пространство, молочно-белое, если не считать стены зданий и куртки проходящих мимо людей, пообещала себе, что больше не прогнётся.

Тогда, после расставания с Димой, она была морально раздавлена, и ей оказалось всё равно, за кого выходить замуж. Ира послушалась отца, к его радости сделав так, как он хотел. И что принёс ей этот брак? Два болезненных выкидыша и мужчину, который всегда смотрел на Иру словно на капризного ребёнка. Впрочем, заслуженно — она и правда вела себя соответственно, стремясь заглушить собственную тоску и ощущение полной никчёмности. На Влада грех жаловаться — он поддерживал Иру по мере сил, и в итоге если бы не он, то она продолжала бы плясать под дудку Алексея Игоревича, уверенная, что не сможет противостоять отцовской воле.

А теперь, впервые за много лет, Ире подумалось: почему бы не попытаться жить свою жизнь, не слушая приказов родителей? Не выходить замуж за выбранного Алексеем Игоревичем жениха, работать, а не бездельничать и не рассчитывать на финансирование старшего поколения.

Да, будет сложно. Но зато, вполне вероятно, Ире перестанет казаться, будто она — неполноценный человек, жалкое подобие личности, которую невозможно полюбить.

Дима поспособствовал возникновению в ней всех этих мыслей о себе, а две неудачных беременности и должность, полученная благодаря протекции мужа, основательно их закрепили.

Ире очень хотелось избавиться от подобных идей, даже больше, чем от ненужного брака, но пока не получалось.

Как она и думала, буквально на следующий день — выходной, между прочим! — отец начал осторожное прощупывание на тему «что ты собираешься делать дальше, дочь». А заодно пригласил в их с матерью загородный дом на следующие выходные. Ира не обольщалась, понимая, что там её будут обрабатывать по поводу будущего брака. Знакомить с кем-то рано, а вот уведомить о намерениях — вполне.

И бунта от неё Алексей Игоревич точно не ожидает. Ну конечно! Ира ведь всю жизнь была послушной, всегда исполняла хотелки отца. Развод стал единственным взбрыком, но Алексей Игоревич, скорее всего, списывает его на проблемы с головой у самого Влада. Считает, что Ира всего лишь покорилась воле мужа, но, если бы Князев не захотел получить свободу, не рыпалась бы.

И ведь он во многом прав… Но не во всём.

— Прости, пап, — ответила Ира ровным голосом, стараясь казаться расслабленной. Она не желала, чтобы Алексей Игоревич понял о её намерениях раньше, чем она научится жить без его денег. — В ближайшие выходные я никак. Работы много.

— Работы? — изумился Долотов. — Ты же уволилась из «Логаэда». Я, кстати, до сих пор не понимаю почему. На хорошей должности работала.

О да, на отличной. Заведующая редакцией фэнтези и фантастики. Интересная работа, но Ира тащила этот воз только потому, что старалась отвлечься от потери детей. И если бы не помощь Влада, она бы не справилась.

Ей гораздо интереснее было другое — то, чем она занималась сейчас. И о чём отец пока не знал.

— Я не совсем уволилась, — вздохнула Ира. — Просто перешла в другой отдел. Теперь я дизайнер.

— Кто? — выпалил Алексей Игоревич, и она едва не захихикала, представив, как родитель подпрыгивает от возмущения в своём любимом кресле. — Ты с ума сошла!

— Ну почему с ума? Я ведь училась по специальности диза…

— Да какая разница, где ты училась! — перебил её отец. — Ты там училась только потому, что тебе для статуса было нужно высшее образование! Но это не значит, что ты должна трудиться в должности дизайнера, будто какая-то плебейка, честное слово.

«Ага, а ты аристократ!» — мысленно закатила глаза Ира, прекрасно помня, что её дедушка и бабушка были обычными людьми, работали на заводе. А вот отца подобная жизнь не устраивала.

— Значит, так, — тут же поменял тон Алексей Игоревич, став сдержанным и деловитым. — Увольняешься. Я тебя сам устрою, куда мне нужно.

Чтобы не выругаться с большим чувством, Ире пришлось собрать в кулак всю свою волю. Её неожиданно оказалось не так уж и мало…

— Нет, сейчас я увольняться не буду, — ответила Ира беспечным голосом принцессы. — Мне нужно для психической устойчивости заниматься тем, что я люблю. Так психолог сказал.

— Кто?! — второй раз за последние минуты возмутился Алексей Игоревич, считавший всех «мозгоправов» шарлатанами. — Что за ерунду ты несёшь, Ира!

Про психолога было враньё чистой воды, конечно, — ни к каким специалистам она не ходила. Хватит, была уже — после потери двоих детей. С тех пор Иру тошнило от психологов.

Возможно, кому-то они помогают, но точно не ей.

— У меня стресс, — продолжила Ира свою исповедь. — После развода и так далее. Чтобы прийти в равновесие, я должна заниматься тем, что люблю, а я люблю рисовать. Не веришь, у мамы спроси.

Мама ни про какого психолога не слышала, конечно, но то, что Ира любит рисовать, подтвердить могла.

— Ладно, — процедил Алексей Игоревич. — И долго ты собираешься… хм… картинки свои малевать?

— Не знаю. Пока легче не станет. Ой! Пап, извини, мне тут звонят по второй линии, наверное, что-то срочное, раз в выходной день дёргают. До связи!

И прежде, чем отец успел опомниться, Ира положила трубку.

17

Следующие месяцы она так и жила — избегая любых разборок, а также посещения родительского дома. Отговаривалась работой, плохим самочувствием, ещё чём-нибудь — лишь бы не ездить к Долотовым-старшим. Даже на Новый год не приехала, разыграв перед отцом и матерью целый спектакль. Иначе было никак, родители не приняли бы отказа по любой другой причине, кроме болезни. Вот и пришлось придумать ангину.

Тогда и вспомнился театральный кружок, куда Ира ходила по желанию Алексея Игоревича, — кто бы мог подумать, что она всерьёз будет испытывать актёрские навыки именно на родителях! Говорить хриплым шёпотом, кашлять в трубку и мастерски отговаривать маму от посещения — вдруг заразится?

Но сработало ведь. В течение больше чем месяца, до самого февраля, её не трогали. В феврале тоже удавалось держаться, ссылаясь на слабость и повышенную утомляемость, но проигнорировать 23-е число Ира не смогла. Она желала освободиться от чрезмерной опеки родителей, а не обидеть их.

В этот день пришлось поехать в загородный дом Долотовых-старших и выдержать там настоящую битву характеров. Хорошо хоть отец, помня, что Ира недавно болела, больше никаких гостей не приглашал. Однако от дочери он не отставал, изо всех сил пытаясь прогнуть и заставить её сделать так, как он хочет.

— Зачем тебе эта никчёмная работа? — уговаривал Алексей Игоревич Иру, которая старательно держала благодушное лицо. — Узнавал я, чем ты у Князева занимаешься. Дизайн для обложек придумываешь и картинки рисуешь! Глупости какие-то. У меня для тебя отличная должность есть — руководитель отдела продвижения.

Ира не выдержала и кинула на отца скептический взгляд. Где она — а где продвижение?

— Понимаю, опыта у тебя маловато, — правильно истолковал её взор Долотов. — Но тебе помогут. Я договорился. Выйдешь с понедельника, тебя там ждут.

Ира скрипнула зубами. Как же тяжело бороться с человеком, который даже не спрашивает, а просто ставит перед фактом.

— Я не могу с понедельника. И вообще не могу.

— Да почему?!..

Отцу было бесполезно объяснять, что Ире нравится то, чем она занимается. Вновь спасибо Владу — он не уволил её из «Логаэда» в никуда, а обеспечил хорошей по Ириным меркам работой. Ей нравилось создавать обложки для книг, причём ездить в редакцию было не нужно — всё делалось на удалёнке. Если бы ещё платили побольше — но Ира прекрасно понимала, что просто привыкла бесконтрольно тратиться.

Подобный диалог повторялся с завидной регулярностью несколько раз, а затем, не выдержав, Алексей Игоревич сделал то, чего Ира ждала и боялась — а именно полностью прекратил финансировать единственную дочь.

18

Произошло это в апреле, и пусть к тому времени Ира почти привыкла пользоваться лишь своими деньгами, поначалу было сложно. Всё-таки тяжело жить, зная, что у тебя нет за спиной лишних финансов, которые всегда можно взять, если что-то случится. Выпадет пломба, сломается каблук у туфель, сорвёт кран в ванной, да даже просто лишний раз захочется в кафе сходить — тут как тут папины деньги.

А теперь «тут как тут» больше не было.

Конечно, Алексей Игоревич ждал, что дочь быстро сдастся. Приедет, попросит прощения с печальным видом, он великодушно простит и сделает то, что планировал, — устроит её на новую перспективную работу, познакомит с женихом, о котором Ира слышала уже довольно много всего. Он работал там же, куда отец хотел отправить и её, — в библиотеке электронных и аудиокниг, только был каким-то там директором. Каким именно, она не вдумывалась — какая разница? Ира не собиралась с ним знакомиться, как бы отец его ни расхваливал.

Алексей Игоревич применял тактику «не мытьём, так катаньем». Лишение финансирования было лишь одним из инструментов давления на Иру. Ещё он, кроме кнута, использовал пряники, предлагая дочери то путёвку в жаркие страны, то собственную квартиру — нормальную, а не в «этой жопе мира», как он выражался, — то звал на различные светские приёмы, где она могла бы «блеснуть своей красотой и новым платьем», зная, что блистать Ира любит.

Точнее, любила. С некоторых пор Ира осознала, что это блистание сопряжено с подчинением отцу, и стала избегать любых публичных выходов. Приехать к родителям в гости — это можно, хоть и нечасто, но больше ничего. Даже ради новых платьев! Тем более что денег на них всё равно нет.

Ира в целом вдруг стала вести довольно уединённый образ жизни. Удивительно, поскольку раньше она постоянно встречалась с разными людьми, ходила в кафе и салоны красоты. А сейчас вдруг перехотелось, и ничего, кроме фитнеса, Ира не посещала, а кафе позволяла себе раз или два в месяц — иначе можно вылететь в трубу. Раньше она вообще не замечала цен, но теперь, заметив, никак не могла их развидеть. Особенно её ужасали цены на маникюр, стрижку и окрашивание волос. Первое Ира вовсе перестала делать, неожиданно найдя прелесть в том, чтобы заниматься собственными ногтями дома, а по последним двум пунктам нашла другого мастера, подешевле. В той самой «жопе мира», где она теперь жила, разумеется.

И всё шло неплохо… до дня рождения её матери, который Ира пропустить никак не могла.

19

Стояла осень, и с момента, как Ира перестала быть замужней женщиной, прошло чуть меньше года — но ей казалось, что почти вся жизнь. Несмотря на отсутствие ярких событий, Ира в последнее время ощущала себя перерождённой. Ещё и поэтому ей ужасно не хотелось ехать в загородный дом родителей — она понимала, что грядёт новый виток давления со стороны отца, но настроения держать очередную оборону не имелось совсем. Хотелось спокойно погулять по осеннему парку, зайти в кафе, возможно, и в книжный магазин — выбрать себе какую-нибудь новую книгу. С недавних пор Ира, никогда особенно не читавшая, вдруг начала буквально глотать разные истории. Ничего серьёзного, обычная развлекательная литература про приключения, интриги и любовь, но ей нравилось.

Увы, придётся тратить выходные совсем не на собственный покой, а на чужие амбиции. И чем дольше продолжалось противостояние Иры с отцом, тем сильнее она понимала, что, скорее всего, без окончательного разрыва отношений обойтись не получится.

Её родителям всегда нравилось всё помпезное. Адалия Максимовна и Алексей Игоревич вообще были удивительно похожими по натуре людьми, странно, что особой любви между ними так и не случилось. Впрочем, вдруг именно поэтому и не случилось? Когда у партнёра такие же недостатки, как у тебя, это раздражает.

На тихий и скромный день Ира не рассчитывала, и оказалась абсолютно права. Родители пригласили около десяти гостей разного пола и возраста, среди которых ожидаемо оказался будущий муж Иры. Будущий с точки зрения Алексея Игоревича, конечно.

Мужчина ей сразу не понравился. Средних лет — около сорока, наверное, — с небольшим пузиком и залысиной, он смотрел на Иру заранее как на свою вещь. Будто свадьба — дело решённое, согласие невесты уже получено и так далее. Звали его Антон Капустин, и фамилия Ире тоже не понравилась — капусту она не любила во всех её проявлениях.

И ведь главное, что отец в этом Капустине поддерживал подобную уверенность. И не только в Капустине — вводя в компанию приглашённых этого мужчину, Алексей Игоревич громко возвестил:

— Прошу любить и жаловать — Антон, мой коммерческий директор. И будущий муж моей дочери.

Ира, делавшая в этот момент глоток шампанского, резко поперхнулась. Следовало сразу вставать и уходить, но она поймала настороженный взгляд матери и подумала, что ради неё немного потерпит. Не потащат же её под венец насильно? В современном мире это невозможно.

С трудом высидев ещё три часа, во время которых Капустин всюду сопровождал её — только что в туалет с ней не ходил! — Ира тихонько сбежала по-английски, не попрощавшись. Лишь отправила сообщение матери, когда уже отъезжала от родительского дома на такси:

«Я уехала. Ещё раз с Днём рождения!»

И получила ответ:

«Не сердись на отца. Он хочет как лучше. Антон — ответственный мужчина, и он в курсе твоих особенностей, заранее согласен на суррогатное материнство».

Согласен он… Тьфу!

20

Чтобы перебить мерзкое ощущение оттого, что никого вокруг не интересуют её мысли и стремления — кроме бывшего мужа, какая ирония! — Ира отправилась не домой, а на Чистые пруды.

Давным-давно, когда она училась в институте и ещё верила во взаимную любовь, да и в себя, в то, что мир перед ней открыт и прекрасен, Ира часто гуляла здесь. Вместе с Димой, разумеется. Он очень любил Чистые пруды, и бывало, часами рисовал что-то в своём планшете, сидя на скамейке.

От памятника Грибоедову Ира пошла по бульвару — медленно, наслаждаясь прогулкой и погрузившись в воспоминания. Она старалась думать лишь о хорошем, благо в её прошлом и его было достаточно, не только горечь и разочарование — причём в первую очередь в себе.

Листья почти полностью пожелтели, но ещё не опали, и вокруг царила яркая осенняя красота. Прелести добавляло и чистое небо — ни облачка, — и комфортная, непривычно тёплая для конца октября погода. Такое потепление длилось уже вторую неделю, и вроде как обещали, что скоро оно закончится, сменившись обычной слякотью и дождями.

А Ира, дойдя до фонтана «Поющий журавль», который всегда как-то особенно нравился Диме своей позитивностью, улыбнулась и села на один из валунов, вспоминая, как Рогожин здесь же, на Чистых прудах, собирал осенние листья и плёл из них венок для неё. Причём тайком, пользуясь тем, что она читает учебник, готовясь к экзамену. А управившись, надел этот венок-корону Ире на голову…

— Ой, фу! — тут же скривилась она, срывая Димин подарок. — Там же жучки всякие могут быть, а ещё собачки на эти листики писают! Гадость!

Он тогда только плечами пожал, отводя взгляд.

Какая же она была дура…

Вздохнув, Ира отвернулась от фонтана, невольно посмотрев на парня, проходящего мимо, — и почувствовала, как сердце моментально замерло, а затем забилось сильно и гулко, узнав знакомые и любимые черты.

Дима… Или не он?

Так бывает, когда много вспоминаешь — воспоминания начинают прорываться в реальную жизнь. Может, ей кажется? У Димы из прошлого не было такой худощавой фигуры — просто сплошные кости — и лысой, как яйцо, головы. Но в остальном ведь он — черты лица, пусть и болезненно заострившиеся, но его, и куртка… Эту дурацкую джинсовку сшила Димина мама. Женщина, с которой Ира так и не познакомилась, а теперь уж и не познакомится.

— Дима?.. — выдохнула Ира невольно, каждый миг ожидая, что проходящий мимо парень улыбнётся и скажет: «Нет, вы обознались» — чужим голосом, однако…

Он остановился. Посмотрел на Иру — пристально, внимательно и серьёзно — типично своим вдумчивым взглядом, который она знала и любила, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Ира?

21

Сердце полетело вскачь, в глазах стало мутно, и первый после слов Димы вдох Ира еле сделала.

Она ведь думала, что больше никогда его не увидит. Но даже если увидит, то не в подобном состоянии. Не нужно было спрашивать, чтобы понять — у Димы не всё в порядке.

— Привет, — сказала Ира через пару секунд, вскакивая с валуна. Почему-то сидеть на камне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.